

ОТЪВЪРЖЕНИЕ

ПЪРВОЕ СЪДЪРЖАНИЕ

1	I. Въведение
10	II. Първоначално
21	III. Вторично
31	IV. Трето
41	V. Четвърто
51	VI. Пето
61	VII. Шесто
71	VIII. Седмо
81	IX. Осмо

ЗАПОРОЖСКІЕ НАЪЗДЫ.

УКРАИНСКАЯ БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЪ ГЕТЬМАНЩИНЫ.

Соч. А....равскаго.

Часть III.

А по передѣ иде дороженко,
Веде свое войско,
Веде Запорожско,
Хорошенько!...

Малороссійская пѣсня.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ прѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавле-
ны были въ Ценсурный Комипетъ при экзем-
пляра. Москва, Августа 7 дня, 1836 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ГЛАВА I.

БѢГЛЕЦЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ.

Передъ зарею все дремало,
Лишь неся гуль издалека;
Какъ конь скакаль безъ сѣдока!..

И. Козловъ.

Мрачно, пасмурно въ необозримой
равнинѣ, облегающей съ Южной спо-
роны курени Украинскіе. Съ одной
спороны угрюмая синева небосклона

*

сливается съ степью, съ другой, въ туманной дали, какъ на поверхности Океана, пянупся цѣпью жилища наѣздниковъ.

Вечеръ тихій и унылый началъ уже спускаться на пустынные долины. Алая, очаровательная заря не румянитъ края горизонта; сѣрыя облака, какъ могучіе исполины, облегли пвердь небесную.

Буйный въперъ, пипомецъ степей, опушилъ свои крылья; онъ не бушуетъ, и мерпвая пишина заступила мѣсто его.

Ни одинъ листокъ не шевелился въ перновыхъ куспарникахъ, кой-гдѣ разсыпанныхъ вдоль пустыни, и грустная *перекати поле* *, какъ перелеш-

* Перекати-поле — трава, растущая въ низовыхъ степяхъ.

ная пшашка, не порхаетъ съ порывами вихря отъ Воспока къ Западу, отъ Съвера къ Югу!

Тихо, тихо, какъ на днѣ могилы; гдѣ только слышно, какъ червь пощипъ гробовую доску, впивается въ полусогнившіе оспашки брѣня, которое называлось нѣкогда *человѣкъ*, и основываетъ себѣ жилище въ коспяхъ его.

Вдругъ что-то необычайное прерываетъ тишину могильную. Опдаленный, перекапный гулъ несется все ближе и ближе: это конскій попопъ, это звукъ оружія!... Не лепитъ ли, какъ вихрь, полчище Гапарское спешью, чшобъ разрушить и спереть съ лица земли хутора Украинскіе?...

Такъ, это опряды конницы несущся перелешнымъ въпрямъ; но не пол-

чища иновѣрныхъ; эпо распроєнныя дружины Украинцевъ, разбиые опряды Запорожскихъ наѣздниковъ съ несчастнаго поля сраженія возвращающся на свою родину, покршыые кровью и прахомъ. Чпо несупть они въ приопть родимый?... Гибельный, не-радоспный подарокъ, ужасную вѣспь о своемъ пораженіи!...

Долго конскій попопть оглашалъ унылую окреспносшь; много опрядовъ пронеслось шуда, гдѣ слабо мелькали въ необозримой дали опрадные огоньки. Тамъ была родина всадниковъ; шуда спремилсь они съ унымой, холодной душею!...

Снова пишина и мрачнось въ пуспынѣ.

Ни малѣйшій звукъ не прерывалъ гробоваго молчанія природы. Время

клонилось къ полуночи. Но вопъ оная слышенъ слабый, отдавленный попопъ коня вдоль пущыни. Сквозь ночной шуманъ видѣтъ ѣздокъ. Онъ быспромчипся, несешся скорѣ сокола-ппицы. Вопъ поровнялся съ могильнымъ курганомъ, оспановился. . . . и вдругъ грянулся вмѣстѣ съ конемъ на землю! . . .

Раздался жалобный спонъ всадника, глухой послѣдній звукъ издыхающаго изнуреннаго коня, и все пшихо! . . .

Ни въ конѣ, ни въ наѣздникѣ нѣтъ движенія! . . .

Часы лепяшъ. Опрокинушый всадникъ лежишъ неподвижно подъ издохшимъ конемъ своимъ, какъ жерпва могилы, какъ добыча хищныхъ ппицъ, кочующихъ въ степи.

Съ Юга подулъ легкій въперъ и донесъ оная лошадиный скокъ и шумъ

нѣсколькихъ голосовъ. Показались еще два всадника, скачущіе тихой рысью; недалеко отъ кургана они потѣхали еще тише и наѣхали на погибшаго всадника.

— Очурайся, брате Квишовичъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, придерживавъ поводъ. — Глядь-ко, мнѣ сдаеися чпо-по недоброе распянулось по дорогѣ. Эдакая хмара, ничего не видко!...

— Эпо, кажись, мерпвая лошадь съ сѣдокомъ, брашъ Халенко! — опивчалъ другой. — Кого эпо здѣсь угомонило на машушкѣ сырой землѣ; вѣрно нашъ брашъ казаченько!...

— Комужъ больше и бышь. Жалко бѣднягу; немного не допашился до дому родимаго!

Послышался тяжелый вздохъ.

— Слухай, брашенько, онъ спонепть, сердечный; спало еще живъ. Не взяшь ли намъ его съ собою; може поздоровѣепть; шакъ не хай соби живепть на Божьемъ свѣпть!

— Добре, брапъ Халенко, добре!... Уложимъ его на коня, пожалуй!

Наѣздники слезли съ лошадей, подошли къ спраждущему, выпасили его съ большимъ усилиемъ изъ-подъ коня и гопповились подняпъ на сѣдло.

Въ эту минупу полная луна, какъ радушная госпья природы, прорѣзалась, выглянула изъ - за облака, ярко освѣпила казаковъ и лице умирающаго.

— Ахъ, Машка Божія!... вскричалъ одинъ изъ казаковъ, взглянувши приспально на лежащаго. — Узналъ ли

пы, Квишовичъ? Эпо Войнаровскій, племянникъ Гепмана!

— И въ самомъ дѣлѣ онъ. — Якъ на грѣхъ, да на биду родився безталанный!... Экъ его гдѣ уложило. Не взяла вражья пуля, пакъ взяла родная зѣмля машушка!

— Неколи много говоришь, брашенько. Пока еще дышешь, положимъ скорѣе на коня, да увеземъ до ближняго хупора къ добрымъ людямъ; авось оздоровѣешь. Храбрый поробокъ Андрей Войнаровскій, добре бачишь на конѣ рапованы!

— Ну, поднимай дружно!...

Топчасть они подняли Войнаровскаго, положили бережно на коня, и окушавши плащемъ, повезли шихо къ ближнему куреню.

Болѣе часа продолжался пупъ ихъ.

По временамъ они оспанавливались, осмащпривали ношу свою, и замѣчая признаки жизни, ускоряли шаги коней. Наконецъ, съ первымъ лучемъ разсвѣта, открылся передъ ними хуторъ и на скамьѣ у перваго куреня видѣнь былъ казакъ преспарьмыхъ лѣтъ, шолько чпо проснувшійся и вышедшій насладиться воздухомъ яснаго ушра.

— А! добренько поживати Игнапю Рада! — вскричалъ одинъ изъ казаковъ, когда они оспановились у куреня его. Вошъ, якъ видишь, веземъ мы съ Ташарской степи богапой госппинець: Пана Андрея Войнаровскаго. Едва дышешъ, сердечной. Не позволишь ли, друже, оспавишь его у себе, а до Кошеваго барзо далече, не довезешь въ живъ!

— Для чегожъ не такъ, очень рады его милосщи! — сказалъ спарикъ,

вспавши со скамьи и съ состраданиѣмъ глядя на болящаго.

— Эй, Ануся, Ануся! — закричалъ онъ, открывши окно и смопрѣ во внутренность хижины.

— Що се шаке?... слышень былъ нѣжный голосъ изнутри.

— Швидко поспели шубу, да кожухъ; да изгоповъ изголовье для дорогаго госпя!

Черезъ нѣсколько минутъ изгоповивши все нужное, по приказанію онца, молодая, прекрасная, свѣжая, какъ Майскій день, съ розовыми щеками, вышла Ануся къ дверямъ хижины. Казаки бережно сняли безчувственнаго Войнаровскаго съ коня, внесли въ курень и положили на пригошовленную поспель,

Сильно забилося сердце доброй, прелестной дѣвушки, видя бѣдственное положеніе наѣздника. Съ неимоверной поспѣшностію, пользуясь небольшими свѣденіями въ проспѣхъ лекарствъ, она принесла нѣкопорыя травы, полезныя въ подобныхъ случаяхъ, и поспѣшь подала необходимыя пособія, которыя возвращили чувства и хотя нѣсколько облегчили мученія спрадальца.

Прошла недѣля, грустная, мучительная недѣля, въ которую участь жизни Войнаровскаго была сомнительна. Наконецъ, послѣ перелома болѣзни, надежда просіяла на лицѣ добраго Игнатія и прекрасной Ануси. Спрадалецъ началъ понимать себя, разсмотрѣлъ, вникнулъ въ окружавшіе его предметы; вспомнилъ прошедшее и предался провидѣнію Божию!

Въ печеніи вшорой недѣли его выздоровленіе сдѣлалось ошущипельнѣе. Нѣжныя, неусыпныя попеченія прелестной, черноокой Ануси, — эшаго милаго сущесства, кошорое ему казалось Ангеломъ-хранипелемъ, вливали въ него бодрость и возобновляли упадшія силы.

Милый, кропкій, очаровательный взглядъ казачки спалъ необходимъ и какъ бы сроднился съ сердцемъ Войнаровскаго. Чпобъ бытъ спокойнымъ, чпобы облегчить поску и спраданія, ему должно было непремѣнно видѣть ее, бытъ вмѣстѣ съ нею, смотрѣть ей въ огневыя очи, дышашъ ея дыханіемъ.

Пылкій юноша всей душой предался бы милому созданію. Онъ былъ бы гошовъ посвящипъ ей всю жизнь свою, еслибъ шомный, волшебный взоръ юной

Магдалины и свѣпмый образъ ея, не носился надъ нимъ и съ мѣлымъ укоромъ не предохранялъ его благородное сердце отъ измѣны. Это сердце все еще посковало по милой Паниѣ, все еще принадлежало ей; и при взглядѣ на прекрасную Анусю, онъ думалъ видѣть свою суженую. Въ очахъ казачки онъ находилъ нѣжность и упоение Магдалины, въ рѣчахъ ея звучную сладость и краснорѣчіе; словомъ, невинная Ануся была идеалъ его мыслей; она олицетворяла въ себѣ драгоценный предметъ его мечпы, поски и желаній!

Такъ въ семействѣ Игнація Рады текли неразгаданные, грустные и радостные, шумные и ясные дни бо-
лѣзни Пана Войнаровскаго.

ГЛАВА II.

ВѢСТЬ ИЗДАЛЕКА. — СВАТЬБА.

О!... сладко жить, когда душа въ покоѣ....

И съ тѣмъ, кпо миль, начавъ, кончасъ день.

Вдвоемъ — и радости всѣ вдвое!...

.....

Оставимъ годамъ за годами летѣть!...

В. Жуковский.

Наступила мрачная осень, привела
за собой дожди, буйные вѣтры, шума-
ны и темныя ночи. На смѣну краснаго
лѣта она пришла госпипъ въ машу-

шку Россію; по упрямъ начала осыпашъ серебромъ нивы и зеленія долины; покрыла золопомъ пѣниспыя рощи, но не на долго. Вскорѣ она обнажила ихъ безъ всякаго милосердія; осирошила, какъ несчастныя семейства, цвѣтныя курпины въ садахъ. Полевая маргаритка, лилія и роза умерли до новаго возвращенія весны благодатной!...

Жипели Южной Украйны еще не чувспвовали суроваго вліянія жданной госпыи. Тамъ еще пакже опрадно свѣпило солнце, пакже зеленѣли пуспынныя поляны, и полевые цвѣпы, собирая жемчужную росу, ушивались крапиковременнымъ оспашкомъ жизни. Только по временамъ спешные въпры завываньемъ своимъ напоминали, что не долго любовашься природою жипелю Южнаго края.

Въ одно прекрасное осеннее утро, по долину, облегающей съ Липовской стороны хутора Запорожскіе, шелъ бѣдный спранникъ. Спаросилъ лѣтъ, изнуренный видъ, босыя ноги, изцарапанныя въ кровь опъ дальняго пути, все показывало, что ему опраденъ былъ густой дымъ привѣшныхъ куреней, копорый онъ завидѣлъ издали, и что бѣдному прошлецу сладко будетъ хоть часъ опдохнуть съ дороги.

Ближе и ближе успалый пушникъ къ цѣли своей. Вотъ ужъ опкрылись передъ нимъ жилища Запорожскія, въ копорыхъ, во времена мира и досуга, ничего не увидишь, кроме юношей или дѣвъ съ радостью на челѣ; ничего не услышишь, кроме звуковъ родной пѣсни. У крайняго куреня виднѣлся спранникъ два пополя, развѣсившіе

надъ окнами свои зеленыя, пѣніспыя
вѣшви, а подъ ними, на широкой скамѣ,
молодаго наѣздника съ быспрыми ор-
лиными очами и юную, прекрасную дѣ-
вушку. Молодой человѣкъ, съ поникшей
головою, по всему видно, погруженъ въ
птяжелую думу, а милая дѣвица, ус-
премивши на него огневые взоры, гля-
дитъ съ упоеніемъ и шоскою: скоро
ли онъ распоскуептъ съ ней думу
свою, скоро ли промолвитъ привѣтное
слово!

Но ни одинъ звукъ не прерываетъ
молчанія.

Спранникъ подходитъ близко къ
курению, гдѣ молчаливая чеша погру-
жена въ мечпу глубокую. Онъ хочептъ
попроситъ у добрыхъ людей кусокъ
насущнаго хлѣба и часъ ошдыха съ
дороги; но не смѣя прерванъ свящую

думу ихъ, долго споймъ молча и неподвижно.

— Господи, Иисусе Христѣ, Сынъ Божій!... воскликнулъ наконецъ жалобно скипалець, видя, что юная чеша все еще не прерываетъ молчанія.

Молодые люди вспрепонулись при неожиданномъ возгласѣ пупника.

— Опкуда? Издалека ли идешь, спарче?... спросила пупника дѣвушка, поднявши на него привѣпливо свои черныя очи.

— Хожу по всей Руси православной за Христовой милостыней, спранный по изволенію Божию! А теперь прямо изъ Кіева.

— По плащю ты долженъ бытъ опъ земли Липовской,—сказалъ юноша.
— Гдѣ швоя родина?

— Возросъ я опсюда далеко, за Вольнью; въ царствующемъ градѣ Москвѣ принялъ Православную вѣру, а родины моеѣ не помню!

— Якъ же ты зморився, бѣдняжка!... Ахъ, да и ноги у тебя въ крови, изцарапаны!... вскричала дѣвушка, оглядывая спарика съ ногъ до головы съ состраданиемъ. — Сядь здѣсь на призбокъ, пожди, я накормлю тебя.

Спарикъ перекрестился, сѣлъ на завалину, а дѣвушка побѣжала въ курень, вынесла хлѣбъ, ковшъ молока и подала спраннику.

— Давно ли жъ Богъ тебя носитъ по бѣлому свѣту, спарче?—спросила казачка, когда спарикъ упомиль свой голодь.

— Да какъ началъ себя помнишь, родная. Возросъ сиротой и шеперь

живу бездомнымъ сиропною. Кромъ Господа Бога, другаго опца себъ не знаю!

— Кшождъ воспиталъ шебя въ младенчесствѣ? — спросилъ юноша.

— Гдѣ увидѣлъ я въ первый разъ свѣтъ Божій, того не помню,—такъ началъ спранникъ.—Помню только, будпо во снѣ, чпо какая-то женщина носила меня на себѣ за плечами изъ города въ городъ, изъ спраны въ спрану и кормила скудной пищею. Никогда привѣстное слово и родной звукъ не ласкали меня, безпріютнаго. Побои и ругательства были одна наградѣ опъ моей вожапой. Минуло мнѣ десятишь лѣтъ, когда умерла она; и тогда, оставшись на бѣломъ свѣтѣ совершенно круглымъ сиропною, я приспалъ къ полѣ нищихъ и шестъ

лѣтъ скипался съ ними по Москвѣ. Когда мнѣ минуло шеснадцать лѣтъ, вся развратная и богопропивная жизнь ихъ предспавилась мнѣ. Я бѣжалъ опѣ нихъ, и цѣлая Россія была пріюмъ мой. Обошедши всѣ края, въ Краковѣ, у одного Нѣмецкаго музыканта выучился я играмъ на бандурѣ. Онъ подарилъ ее, и мнѣ веселѣе было съ эпой подругой бродить по свѣту; легче было доставать на хлѣбъ насущный скудной игрою. Люди скорѣй дадутъ скомороху или гуслисту, нежели опрутъ слезу плачущаго спрадальца!.. Слишкомъ сорокъ лѣтъ бродилъ я по всѣмъ спранамъ съ моею ношею, но Богъ судилъ—и ее лишили меня безпріюпнаго!...

— Кшождъ у тебѣ опнялъ ее?.. спросила дѣвушка съ учаспемъ.

— Злые люди, красная дѣвушка. Случилось мнѣ за Жипомиромъ зайти въ замокъ Вельможнаго Пана. Въ то время въ замкѣ была пышная свадьба; Панъ отдавалъ дочь свою за богатаго Ляха. Здѣсь мнѣ Господь судилъ увидѣть правоту свою и спрашную смерть грѣшника. Одинъ Іезуитъ, бывшій при вѣнчаніи, коего злобное лице показывало самую черную душу, былъ въ Каспелѣ убитъ колонной, упавшей на его голову. Вышедши изъ замка, я ушелъ бы отъ него далеко и была бы цѣла моя бандура, но одна спарая ворожея, бывшая со мной въ замкѣ, зазвала меня къ себѣ въ госпи; она жила неподалеку отъ помѣстья. Пообѣдавши ея убогой прелезы, я пошелъ опшуда поздно и попался въ шайку пьяной Панской дворни. Безумные заспали меня играшъ цѣлую ночь; за спруды—

разбили мою бандуру, и я оспался безъ всякаго промысла; однѣми слезами вымаливашь себѣ хлѣбъ насущный!..

— Надѣйся на Бога, спарче; Онъ милосердый осушитъ слезы твои!.. сказала дѣвушка, а между тѣмъ утирала собственную свою слезу, скатившуюся съ рѣсницы.

— А какъ звали того Пана, у кого ты видѣлъ свахѣбу? — спросилъ молодой человекъ, слушавшій внимательно рассказъ пупника.

— Его звали Прокопѣмъ Лодомирскимъ, а дочь его Магдалиною.

— Магдалиной!... вскричалъ вдругъ юноша, вскочивши со скамьи. Магдалина Лодомирская, говоришь ты! ... Кпожѣ былъ женихъ ея?

— Ее вѣнчали съ какимъ-то Паномъ Яссельскимъ.

— Панъ Яссельскій!... О Боже праведный!... Гдѣ же дружба?... Но... шочно ли ты видѣлъ сваѣмбу ихъ, правду ли ты говоришь, спарикъ?...

— Пустъ Богъ убѣдитъ меня на семъ же мѣстѣ. Я былъ въ Каспелѣ при ихъ вѣнчаніи.

— Ты былъ?... ты видѣлъ?... И такъ все кончено!... вскричалъ юноша и бросился опять на скамью. Сильная шоска и волненіе души были замѣшны въ черпахъ его.

Добрая дѣвушка со слезами на глазахъ не смѣла упѣшать его. Какъ робкое дитя, она смотрѣла на спрадальца и на пупника. Послѣдній былъ успокоенъ ею и оспавленъ на цѣлый день въ куренъ дѣлѣ опдохновенія.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго
произшествія красныя дѣвушки начали
собираться на вечерницу къ казаку
Игнацію Радѣ. — Пампушки, брага, ва-
реники и караван спояли на сполахъ
его въ изобиліи. Въ куренѣ раздавались
веселыя пѣсни; молодой, прекрасной
Анусъ расплепалъ русую, длинную ко-
су, и скоро въ храмъ Божіемъ она
спояла передъ намоємъ съ молодымъ
Андреемъ Войнаровскимъ. Радовалось
сердце добраго, гостепріимнаго Игна-
ція!

ГЛАВА III.

ЧРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ АНТР-АКТА.

Угоденъ смѣлый для небесъ,
Который родинѣ принесъ
На жерпву жизнь...

Пери и Ангель.—Жуковский.

Въ ясную, Ионьскую ночь, когда полная луна, какъ круглолицая, румяная невѣста смошрѣла на усыпленную землю, при легкомъ дуновеніи ночного

въперка, по большой дорогѣ къ Бапурину скакалъ молодой всадникъ въ богашомъ Польскомъ кунпушѣ и блестящемъ вооруженіи. Не жалѣя ни коня, ни силъ своихъ, онъ спѣшилъ къ своей цѣли. Когда же наконецъ замелькали передъ нимъ огни изъ Бапурина, когда онъ въѣхалъ на широкую улицу, що ослабилъ повода, и давши опдыхъ коню, покрышному пѣною, поѣхалъ гораздо пише.

Вопъ опкрымась передъ нимъ большая площадь и дворецъ Гепмана. У параднаго крыльца видны были двое часовыхъ въ высокихъ шапкахъ. Оспѣрые верхи длинныхъ копей ярко блестяли опъ фонарей, повѣшанныхъ възлѣ колоннъ. Въспѣ съ часовыми толпилось на крыльцѣ нѣсколько гайдуковъ и шѣлохранищелей, принадлежащихъ къ свипѣ Гепмана.

Їздокъ направляешъ ко дворцу пущь свой. Неподалеку опъ крыльца онъ проворно соскочилъ съ коня; привязалъ его, и оправившись, съ гордой поспу-пью гошовъ былъ пройши сквозъ шол-пу челяди во внушрение покои двор-ца.

— Спой!... Куда за разъ лезешъ, якъ Москаль?—раздался грубый голосъ до-роднаго гайдука, который прїѣзжему загородилъ собой дорогу.

— Мнѣ еспъ преба до Гешмана.

— Не можно, богацько не можно!

— Почему жъ пакъ?

— У Пана Гешмана дуже много дѣ-ла, не шолько щобъ слухашъ низкую шляхшу.

— Брешишь, дурень; я Регименшеръ и везу важную грамошу къ Гешману опъ Пана Боймирскаго.

— Щожь шаке? Давай сюда гра-
мопу; мы донесемъ до него; а ты
Панъ Регименшаръ погодь здѣсь про-
хи!...

— Мнѣ дожидаешься здѣсь?... Бре-
шишь, чучело! Я долженъ опдашь бу-
магу Гепману лично; и если ты меня
не пуспишь....

— А! Пане Кряжнецкій!... Объ чемъ
шакъ горячипесь?... раздався голосъ
въ дверяхъ, и Гепманскій управипель
покааался на крыльцѣ. — Давно ли при-
были вы сюда, почпеннѣйшій Панъ Ре-
гименшерь?... спросилъ онъ ласково,
пожавши руку прїѣзжаго.

— Только сію минушу. Со мной еспѣ
письма оптъ Пана Боймирскаго и дру-
гихъ. Можно ли мнѣ ихъ вручипшь Геп-
ману?

— Пожалуйте за мною! — Гей! убрать коня Пана Регименшаря!...

Челядь, съ появленіемъ управителя, споявшая въ почтительномъ молчаніи, спѣшила исполнить приказъ его; а молодой Кряжецкій пошелъ въ слѣдъ за нимъ по богапой лѣспницѣ въ верхніе покои.

— Гдѣ ваши письма?—спросилъ управитель, когда они вошли въ большую пріемную залу. — Ошккровенно вамъ сказать: вы теперь не можете видѣть Гешмана. Черезъ часъ у него начнешся совѣтъ, и мы ожидаемся только нѣкоторыхъ необходимыхъ особъ. Я могу отдать ваши порученія, и вы здѣсь подождете отвѣта.

— Только вамъ и смѣю ввѣрить эту драгоценность,—сказалъ Региментеръ, и вынувши изъ шапки, опдалъ нѣсколько писемъ.

Управившеть удалился.

— Гепманъ очень доволенъ вашимъ прїѣздомъ, — сказалъ онъ, возвращаясь чрезъ нѣсколько минушъ. — Онъ проситъ васъ подождать до окончанія совѣща, чпобы послѣ увидѣться съ вами лично. Я увѣренъ, чпо со мной Пану Региментеру не покажется скучно.

— Напропивъ очень весело побесѣдовавъ съ вами, пѣмъ болѣе, чпо мы такъ давно не видались.

— Да, мнѣ кажется, будетъ ужъ около года. Много перемѣнъ случилось въ это время. Во первыхъ, вы, я думаю, слышали объ инпересномъ госпѣ, копорый навѣспилъ нашъ Бапуринъ?

— Вы вѣрно говорите о Полковникѣ Палѣѣ-Хваповскомъ?...

— Да. Съ шѣхъ поръ, какъ побывалъ здѣсь эпопъ Семень бапъко Запорожскій, между Гепманомъ и народомъ пошелъ другой оборотъ. Впрочемъ, трудно узнать, къ чему все эпоклонился. Гепманъ такъ молчаливъ.

Въ эпу минушу послышалось ржаніе лошадей у крыльца и звонъ шпоръ по лѣспницѣ. Управипель прервалъ инпересный разговоръ съ Кряжнецкимъ и спѣшилъ встрѣчать прѣзжихъ.

Въ залу вошелъ человекъ исполинскаго росла, съ гордой, величавой фізіогноміей, въ богатомъ куншущѣ, обложенномъ серебромъ; попомъ ввалился низенькій, тучный спарикъ, одѣшый еще богаче; рыжіе, длинные усы его ниспадали на грудь. Въ слѣдъ за ними шелъ бодро высокій молодой Офицеръ въ мундиръ иносѣраннаго покроя и

формы. Всѣ прѣе изъ залы слѣдовали во внутренніе покои дворца за управишелемъ, копорый съ почпеніемъ открывалъ имъ двери.

— Чшо эшо за люди? — спросилъ Регименшеръ, когда управишель возвращился въ комнапу. Вѣрно необходимы для совѣща?

— Точно шакъ, любезнѣйшій. Первый изъ нихъ, копораго вы видѣли, храбрый Полковникъ Попоцкій. Онъ, по видимому, въ большой довѣренности и милоспи у Гешмана; но внутренно Мазепа его ненавидитъ за его правоту и приверженность къ древнимъ обычаямъ. Онъ недавно поселился здѣсь въ Башуринъ. Въ слѣдъ за нимъ шелъ Панъ Борозда. Эшо богачъ, копорый можетъ засыпать весь Башуринъ золошомъ. Ни капли ума; невѣжесп-

во, глупость и бочки съ миллионами
 вошь все, что дано ему въ удѣлъ. При-
 ѣхалъ онъ изъ Липвы; родины его ни-
 кто не знаетъ; поговариваютъ, что
 онъ Жидъ, принявшій Христіанскую
 вѣру. Для Гепмана служишь онъ
 вмѣсто кармана. Когда надобны день-
 ги, онъ здѣсь; для денегъ все ему кла-
 няющся. Гепманъ называетъ его *исти-*
ннымъ другомъ, а дуракъ думаетъ, что
 кланяющся пустой головѣ его.

— Ха!... ха!... ха!... Это очень
 забавно. А что за чужезпранный Офи-
 церъ, который прошелъ за ними?

— Это Шведскій Маіоръ Разбаухъ.
 Съ недѣлю назадъ, не знаю, за чѣмъ
 пріѣхалъ сюда и каждый день являет-
 ся къ Гепману. Сегодня также при-
 глашенъ и на совѣтъ. Не знаю, что
 вамъ сказать объ немъ. Мнѣ кажется,

что эпо такой звѣрь, у копораго не скоро добьешься слова, и по глазамъ не узнаешь, что у него на сердцѣ. По Русски онъ вовсе не говоритъ, за то большой знапокъ Польскаго языка; я слышалъ эпо онъ самаго Гешмана.

Въ эшу минушу оняпъ звукъ шпоръ послышался на лѣспницѣ, двери отворились насшежъ, вошелъ молодой человекъ, богато одѣтый. Въ быспрыхъ очахъ его и движеніяхъ видны были мужество и рѣшительность. Онъ слегка поклонился Региментеру съ управителемъ, и не дожидаясь проводовъ, пошелъ во внутреннія комнаты.

— Эпо что за орелъ?—спросилъ Региментеръ, поглядѣвъ ему въ слѣдъ съ улыбкою.

— Не уже ли вы его не знаете? Племянникъ нашего Гешмана, Андрей Вой-

наровскій, храбрый, опчаянный наѣз-
никъ; покойная масть его была родная
сестра Гепману.

— А!... Я очень довольно слыхалъ
объ немъ; но видѣшь довелось еще въ
первый разъ.

— Онъ первый любимецъ своего
дяди, и правду сказать, очень добрый
человѣкъ, прямой сынъ Украйны. Года
съ три назадъ женился на хорошень-
кой дочери спараго Эсаула Игнашя
Рады, и вскорѣ послѣ свадьбы, по при-
казу Гепмана, переехалъ съ семей-
ствомъ сюда изъ Запорожья. Теперь
у него ужъ двое дѣтей, прекрасныя
малюшки. Здѣсь въ Башуринѣ многіе
любятъ Войнаровскаго; да и какъ не
любить добрыхъ!

Вскорѣ послѣ того явилось еще нѣ-
сколько Военачальниковъ; и словоохот-
ливый управитель описывалъ ихъ лю-

большому Кряжнецкому. Около четырехъ часовъ продолжалось совѣщаніе. Не имѣя сколько любопытства, чѣмъ подслушивать у дверей Гепманскаго кабинета, я не знаю, въ чемъ заключался совѣтъ; не знаю и того, что говорилъ послѣ совѣта Мазета съ Кряжнецкимъ; но долго дѣлалась съ Региментаремъ бесѣда его.

Черезъ нѣсколько дней въ многочисленномъ Батуриномъ все пришло въ движеніе. Во дворецъ Гепмана безпрепятственно спекались полны начальниковъ, прѣзжали гонцы съ депешами, шумные полки начали собираться подъ знамена. Все закипѣло бурной, воинскою жизнію, все показывало скорое, всеобщее вооруженіе.

ГЛАВА IV.

ПОСЛѢ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Я видѣлъ ихъ въ день самой битвы; вѣрю,
Что въ ихъ словахъ сокрыто неземное!...

А. Ротчевъ.

И слабый восплавалъ, и гласъ гордыни спихъ!...

М. Дмитриевъ.

Жизнь въ сладкой пишинѣ Россіяне достойны!..

Старинная Трагедія.

1709.

БАТУРИНЪ

(Большая площадь. Около Гетманскаго дворца видны толпы солдатъ и чернаго народа. Ужасный безпорядокъ и буйство замѣтны между чернью, которую никто не старается удержи-

ВАТЬ. ЧЕРЕЗЪ ПАРАДНОЕ КРЫЛЬЦО, ПОКРЫТОЕ ОБЛОМКАМИ РАЗБИТЫХЪ КОЛОННЪ И ДВЕРЕЙ, ТОЛПЫ СОЛДАТЪ ТАЩАТЬ ИЗЪ ВНУТРЕННИХЪ КОМНАТЪ ДВОРЦА МНОЖЕСТВО ДРАГОЦѢННЫХЪ УКРАШЕНІЙ, МЕБЕЛИ, ГАЛАНТЕРЕЙНЫЯ ВЕЩИ, СЕРЕБРЕННУЮ И ЗОЛОТУЮ ПОСУДУ — И ВЪ ТУ ЖЕ МИНУТУ СЪ ЖАДНОСТІЮ ДѢЛЯТЬ МЕЖДУ СОБОЮ. ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ ДВОРЦА, НА СРЕДНІЙ ПЛОЩАДИ, ВИДНО НѢСКОЛЬКО БОЧЕКЪ ВІНА, ВЫКАЧЕННЫХЪ ИЗЪ ПОГРЕБОВЪ ГЕТМАНА; ОКОЛО НИХЪ ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ БУЙСТВО И КРИКЪ ПЬЯНОЙ ЧЕРНИ. ПООДАЛЬ ОТДЫХАЮТЪ НЕБОЛЬШІЯ, ОТДѢЛЬНЫЯ ГРУППЫ КАЗАКОВЪ, ДОВОЛЬНЫЯ СВОЕЙ ДОБЫЧЕЮ И НЕ ЖЕЛАЮЩІЕ УЧАСТВОВАТЬ ВО ВСЕОБЩЕМЪ ГРАБЕЖѢ. ВО ВСЕМЪ ВИДНЫ МЕСТЬ И ЯРОСТЬ НАРОДНАЯ.)

Одинъ изъ солдатъ. Эхъ, брашцы, куда чорпъ занесъ нашего прубача?.. Кануль, какъ съ камнемъ въ воду; до бочекъ не додерешься. Пушкарѣ доспали себѣ въ ушапъ, пьюшъ и въ усь не дуюшъ; а мы себѣ глазами хлопай!..

Драгунъ. Эге!.. Глядь-ко, шоварищъ, какая шуца нашего драгуня валишъ

изъ дворца. Ухъ!... какъ пуспились въ дѣлежъ на драку!...

Казакъ. Вѣрно добыли чпо нибудь хорошенькое. — Вишь горланяпъ; я чаю, за двадцать верстъ слышно!

Множество голосовъ изъ толпы. Ура!! Ура!!.. Да здравствуетъ бапшошка Царь Петръ Алексѣвичъ!...

Хорунжий. Вопъ люблю; по молодецки!... Не худо бы и намъ, ребяпа, подпьянушь подъ эту пѣсню.

Сержантъ. И вправду, молодцы; у меня, глядя на нихъ, въ горлѣ сохнешъ. Ужъ какъ бы выпилъ за Царское здорье!...

Хорунжий. Кипожъ шебъ мѣшаешъ? Загуляй къ нимъ, можешъ бытъ, чпо еще и перепадепъ на пивою долю.

Сержантъ. Нѣпъ, ужъ и пакъ много доволенъ. Мнѣ доспалась сереб-

ренная чара; по гробъ ее беречь буду;
передамъ и дынямъ!

Драгунъ. А мнѣ попался ковшъ золо-
той, брашцы!

Казакъ. А у меня Турецкой кинжалъ,
восперъ, какъ бришва!

Драгунъ. Правду сказашь, ребята,
шеперь у насъ славная пирушка послѣ
Полтавской попѣхи. То-то ужъ было
грому!...

Сержантъ. У меня до нынѣшняго дня
все въ носу порохоми пахло!

Хорунжій. За то шеперь пахнешь
горьлкой. Все гарно на этой пирушкѣ;
только не доспаешь нашего лиходѣя
Мазепы. Ухъ!... какъ бы взмахнулъ его
на копьѣ и вспряхнулъ какъ перышко:
хотѣлъ погубить всю нашу мапушку
Украину, нечесливый!...

КАЗАКЪ. Ссадилъ бы съ измѣнника голову и принесъ къ Царю Алексѣевичу! Вопъ шебъ, башюшка Бѣлый Царь, голова швоего лиходѣя; а мы швои люди!... Кровь ли наша шебъ надобна; скажи, надежа - Государь; ульемъ ея поля чистыя!...

СЕРЖАНТЪ. За него я радъ какъ виномъ поливашъ своей кровью.

ДРАГУНЪ. Ну, брашцы, кажешся подъ эпо слово шрубачъ и вина шашипъ.

ТРУБАЧЪ. Гей, ребяпа!... кричите ура; цѣлый кошелъ начерпалъ!

КАЗАКЪ. Вопъ лихо! Гдѣ эпо шебъ пособило?

ТРУБАЧЪ. Чшо за распросы! Садись въ круговую, и пей до опвалу!

ДРАГУНЪ. Дай перекрещусь, да и за работу. Креспипесь, ребяпа, вѣдь мы

не бесурманы. Намедни мнѣ привелось
провожаѣть полоненныхъ Шведовъ. Ни
одинъ, собака, не креспился.

Хорунжій. Погоди. Чшо ты борзо
восперъ? Эй, трубачы! играй сперва на
радоспяхъ маршъ за Царскую побѣ-
ду!...

Трубачъ. Пожалуй, у меня за эшимъ
дѣло не спанеть!... (Начинаетъ шу-
бишь).

Сержантъ. Тссъ!... Переспань!...
Чшо ты, дурова голова!... Тебѣ ли
шубишь побѣду Царскую? На эшо на-
добно сдѣлать золотую трубу длин-
нѣе цѣлаго Башурина, да зашубишь
такъ, чшобы про побѣды нашего ба-
пюшки Православнаго Царя было слы-
шно во всѣхъ концахъ земли, опъ Оке-
ана моря Ледовишаго до моря Хвальн-
скаго!...

Драгунъ. Давайше-ка лучше пишь, ребяща, за здоровье его, бапюшки! — (черпаешъ) Ура!... Да здравснвуешъ нашъ бапюшка Царь Петръ Алексѣвичъ!...

Хорунжій. Не хай, сгинущъ всѣ его супоспашы.... Ура!...

Трубачъ. Ура!... Многая лѣша ему, солнцу Русскому!...

Сержантъ. Дай Богъ ему всегда пакъ любипъ насъ, дѣпей своихъ, какъ мы любимъ его, опца роднаго.

Казакъ. Не хай, будешъ прокляшъ, кпо измѣнишъ словомъ или дѣломъ ему Православному. Ура!...

Сержантъ. Ахъ!... Какъ възигралось рептивное, солдапское!... Ноешъ рука по шпыкъ богатырскомъ. Бапюшка, бѣлый Царь!... бьешся у меня одно сердце,

да и по швое Царское!... 'Одна грудь
молодецкая, да и поѣ доспанешъ по-
споянъ за шебя.... Ура!...

Множество голосовъ изъ толпы.—
Ура!... Многая лѣша!

Голоса съ противоположной стороны.
Гей!... держи, держи!... лови ихъ!...
У....

Казакъ Чпо эпо, ребята?... Наши
кого-по ловяшъ. Экъ сколько ихъ съ
эпоѣ спороны нахлынуло!... Ужъ не
Гешмана ли опкуда нелегкое прине-
сло въ наши руки!...

Хорунжий. Брешишь, дурень! Опкуда
ему взяпъся? А вправду, какое-по ди-
во!

Въ самомъ дѣлѣ, толпа народа съ
неисповымъ крикомъ скопьялась болѣе
и болѣе на лѣвой споронѣ, пропивопо-
ложной дворцу, и шумъ увеличивался.

Въ срединѣ толпы видна была молодая женщина, прекрасная собою; но опѣ чрезвычайнаго испуга блѣдная, какъ смерть. На груди ея видѣнъ былъ малюшка, робко припавшій дыханіе, а другого она вела за руку. Пьяная чернь и солдапы, окруживши несчастную, покрывали насмѣшками; ругательства сыпались на нее градомъ.

— У! у!... Экая красotka!... Чпо смотрѣшь, брашцы? Въ бапожѣе ее нечеспивую!... кричали неистовые.

— А бѣсеняпѣ прокляпыхъ съ камнемъ, да въ воду, либо на коспрѣ поджаришь.... подхвапили другіе изъ толпы.

— Чпо эшо, ребяпа?... За чпо вы такъ донимаете женщину?—спросилъ сержанпѣ съ поварищами, продравшись сквозь толпу.

— Какъ за чпо?... Неужели ты не знаешь? Въдь эпо жена измѣнника Андрюшки Войнаровскаго, того, чпо передался ко врагу съ Гепманомъ проклятымъ; а эпо его опродье!...

— Вишь нечеспивецъ! — вскричалъ Войсковой писарь, выпягивая шею изъ толпы. Не служилось доброму, Хриспюлюбивому Царю бапюшкѣ, такъ учнулъ колопырсиво чинишь. Бейте ее, ребяпа, за измѣнника!

Толпа гошова была разорвашь на части несчастную жершву.

— Сжалъпесь, если вы Хриспиане! — умоляла спрадалица. Если въ васъ еспъ искра Божія, не погубите безъ покаянія душу мою. Не за себя прошу, за дѣтей моихъ; не оставьте ихъ сиропами; Ангельскія души не виновны въ грѣхъ опца своего. Умилосердишесь

воины православные; и Царь нашъ Ба-
пюшка милосердъ: велишь щадить
кровь неповинную!...

— Чшо за милость женѣ измѣнни-
ка! Бей ее!... зашумѣла снова толпа.

— Спойше, Христіане!... раздался
громкій голосъ изъ середины; не воинское
дѣло бишь беззащитную!... Именемъ
Божіимъ прошу васъ не прогашъ во-
лоса на головѣ ея.—Говоря эти слова,
дряхлый спарикъ (уже знакомый чи-
тапелямъ), въ спраннической, убогой
одеждѣ, продрался къ несчастной. Его
всклоченные волосы, убѣленные време-
немъ, распегнушая грудь, глаза горя-
щіе невѣдомымъ огнемъ и воспоржен-
ный голосъ, на нѣкопоре время око-
вали молчаніемъ говоръ буйныхъ; но
вскорѣ месѣ приняла права свои.

— Кшо шы такой? Чшо за указ-

чикъ намъ, слугамъ Государевымъ?...
вскричали испугленные.

— Я смиренный Хрисіанинъ, недостойный рабъ Божій, и смѣю говорить Его именемъ въ защиту несчастной!

— Ха, ха, ха!... Вѣрьте ему, брашцы!—вскричалъ рѣзкій голосъ изъ толпы!—Развѣ не видите по плащю его: эшо Ляхъ поганый; вишь прикинулся лищицею, да и хочеть провеспи. Нытъ, пріятель, попалъ не на ровню!

—И въ самомъ дѣлѣ, брашцы—вскричали многіе, —эшо Ляхъ! Ахъ окаженный!... Вишь, откуда ни взялся и спалъ грудью за нечеспивую родню земляка своего!... О!... бейте, рвите на части обоихъ; одного поля ягода!

Оспервенившаяся толпа гошова была схватишь несчастную женщину и

съ ея защитникомъ. Одна минуша, и коспи ихъ были бы развѣяны по вѣтру.

— Спой, ребяша!... не шевелись съ мѣста!... раздался громовый голосъ, и казацкій Эсауль, богатырскаго роста, вышелъ на средину.

— Никпо не смѣй пронупъ волосомъ женщину, а особливо спарика. Для него я и ее беру подъ свою защиту. Эпошъ спарикъ добрый, истинно православный богомолецъ. Въ прошлую осень онъ выпацилъ меня изъ пруда при переправѣ; а по веснѣ, на Днѣпрѣ вымечилъ опъ ужала змѣинаго. По гробъ услугъ его не забуду!... Кпо хочешъ обидѣшь его, вѣдайся со мною!...

— Ну, если шакъ, повѣсь его себѣ на шею! — закричали многіе съ недо-

вольспвіемъ, и пошла мало по малу
разбрелась въ разныя спороны.

— Спупайше за мною!... вскричалъ
Эсаулъ, махнувъ рукой женщинъ съ
дѣшми и спраннику. Трепещущая
спрадалица, со слезами радоспной мо-
лишвы, пошла, благословляя своего из-
бавишеля. Спарецъ не опспавалъ опъ
нее. Долго велъ ихъ Эсаулъ по глу-
химъ улицамъ Бапурина; наконецъ
они очушились въ полъ; большая до-
рога лежала передъ глазами.

— Спупайше съ Богомъ! — сказалъ
Эсаулъ, оспановившись. — Вопъ и пупъ
вашъ! Кудажъ пы воропился, спа-
рикъ? ...

— Не далекъ пупъ мой до храма
Божія! — сказалъ вдохновеннымъ голо-
сомъ спранникъ. — Не долго глядѣшь
глазамъ моимъ на свѣшъ небесный;

иду къ Отцу моему!... Пора; Онъ шу-
да зовешъ меня!

Послѣ сихъ словъ спарецъ удалился
Эсауль поглядѣлъ ему въ слѣдъ и по-
шелъ своей дорогою, а несчастная
женщина чрезъ пустынное поле про-
должала одинокій путь свой.

Сбылось предчувствіе скипальца!
По ушпру на Соборной паперни нашли
тѣло его. Онъ споялъ на колѣняхъ,
какъ будио погруженъ въ молитву;
вѣрно благодарилъ Создателя за счас-
ливый конецъ своего спранспвія! —
Миръ праху пвоему!...

Въ продолженіи темной ночи все не
умолкали буйные крики и веселье на
площади Бапуринской; вино все еще
лилось рѣкою. Дворецъ Гепмана былъ
разграбленъ до основанія и по окрес-
ностямъ города шумный гулъ разно-
силъ говорливое эхо....

ГЛАВА V.

НА СЪВЕРЬ.

Быль иной, нивы дѣвы,
Не родныя небеса,
Незнакомые напѣвы,
Нивы, доли и лѣса!...

.

Долго память говорила
О далекой споронѣ,
И небесныя свѣтила
Отражались во мнѣ!...

Б. Розень.

Опѣ милыхъ, ближнихъ вдалекѣ
Живетъ ли сердцу радость?...

В. Жуковский.

Есть край пустынный и угрюмый;
онъ лежишь на Сѣверѣ, далеко опѣ
нашей благословенной, теплой родины
Привѣтная весна хопя и проникаетъ

шуда, но не на долго. Тамъ непродолжительная жизнь расптній, и грустная земля, не согрѣваемая вполне живопорнымъ лучемъ солнца, почти бесплодна. Въ замѣну того, мрачныя дѣбри въ изобиліи населены пипомцами дикой природы; множеству звѣрей вознаграждаетъ убытки и облегчаетъ удобства жизни обитателей утрюмаго края.

Въ Сѣверной части этой страны сполитъ унылый и пустынный Якутскъ, какъ сирота, оставленный со всѣхъ сторонъ на жертву ужаснаго урагана. Грустная Лена, дымя холодныхъ степей, рѣдко услаждаетъ своимъ журчаньемъ усталого пѣшехода; большую часть времени льдистая броня оковывается спруи ея.

Неподалеку отъ Якутска, въ снѣговой долинь, видно нѣсколько низмен-

ныхъ юрпъ или небольшихъ хижинъ, копорыя служащъ убѣжищемъ для жишелей, занимающихся звѣриной ловлею; между ними было много и Варнаковъ *.

Въ одно ясное, солнечное утро, когда погода пуха и морозъ нѣсколько умягчилъ жестокость свою, около крайней юрпы на полянѣ видна была густая толпа охотниковъ; передъ ними, пуспивши кровавую спрую по снѣгу, лежалъ огромной величины убитый медвѣдь; подлѣ него спояли двѣ корзины съ кушаньемъ, и охотники, наливая изъ большого кувшина по чарѣ вина, передавали другъ другу. Шумъ и веселія восклицанія показывали радость и окончаніе благополучнаго дѣла.

* Варнакъ — клейменный преспушникъ.

— Ну, братъ Герасимъ Шумило, — сказалъ одинъ изъ охотниковъ, ударивъ по плечу рослаго, рыжевапаго мужчину; — помогай тебѣ Богъ! Хоть бы всякому довелось шакъ удачно свалишь *сороковаго*. Подлинно молодецъ!... безъ помощи эпакаго чуда срѣзалъ!

— Ужъ вправду лихой *топтыгинъ*! — подхвашилъ другой охотникъ. — Я хожу по *сорокъ третьяго*, да экаго еще опродясь не видывалъ.

— Большая сила—сорокъ прешій. Я *сорокъ девятаго* намени положилъ, а все пропивъ эпаго, правду сказашь, будешь мѣлокъ.

— Ну лежи, *Мишуха*, не шевелися, да съ нашимъ братомъ не борися, а шо худо будешь. Чшо, Шумило, чай дрогнуло сердце, какъ показался ко-смашный?...

— Нечего грѣхъ шайпѣ, поварищѣ; сперва было такимъ оборопнемъ показался, чпо ноги пакъ и заходили; а какъ вспалъ на дыбы, зарычалъ свою любимую пѣсню, опѣ сердца и оплегло. Сопворилъ молишву, цапѣ его по брюху, какъ не бывалъ, свалился, прокляпый! . . .

— Счаспливъ пы, чпо разгулялся космашый; а бѣда, если бы изподпишка нагрянулъ. Григорья Бурлова, пы помнишь, *тридцать девятый* ухидилъ эпакой замашкой.

— И съ Пошапомъ Головной было поже; да слава Богу, вылечили!

— Грѣхъ, да бѣда на кого не живепѣ! Да чпо обѣ эпномъ полжовапѣ! Божья воля, а всякому своя доля. Давайше, ребяпа, выпьемъ еще за здорovie удалаго Шумилы.

— Давай, давай; мы не прочь опть вина, да опть хлѣба-соли!

— Ну, брашъ Герасимъ, дай Богъ тебѣ переломашъ до сонни!...

— Спасибо, ребяша, спасибо!

— А пвоимъ дѣшамъ и внучашамъ до тысячи дорѣзашъ!... Пируй, брашцы!...

— Шшъ!!.. Не горланьше, ребяша!— вскричалъ одинъ изъ молодыхъ охотниковъ, озираясь въ спорону. — Поппише! Кажешся, вонъ опшшуда его милосшъ, *ученый* сюда идешъ.

— Чшожъ за бѣда! Вѣрно господинъ не разсердился? Еще попросимъ его прикушашъ съ нами чару вина хлѣбнаго!

Съ правой спороны, на полянѣ показался человекъ немолодыхъ лѣшъ, пріятной и благородной фizioгноміи,

одѣшый совершенно оплочно опъ прочихъ. На немъ была богачая соболья шуба и креспъ на груди. Приблизившись, онъ ласково поклонился охотникамъ, изъ почтенія снявшимъ передъ нимъ шапки, и подошелъ къ кругу ихъ. Это былъ путешественникъ, жившій въ холодной и пуспынной спранъ для необходимыхъ наблюдений, извѣстный между жипелями подъ именемъ ученаго путешественника.

— Богъ въ помощь, любезные!—сказалъ онъ охотникамъ.—Видно по всему, что вы пируете при начинъ дѣла. А! ... да у васъ ужъ естъ и добыча!.. Кто изъ васъ убилъ медвѣдя?

— Вашъ энопъ молодецъ, честный господинъ; его зовутъ Герасимъ Шумило. Богъ помогъ по добру здоровью сороковаго свалишь.

— По всему видно, что медведь былъ очень силенъ. А издалика ли доспали эшакаго госпя?

— Верспъ за пятнадцатъ опсюда. Да вопъ, что смѣемъ вамъ доложитъ, почтеннѣйшій баринъ: вы, я думаю, знаете, что сороковой намъ бываетъ всегда больно шрудень; такъ шѣмъ и радощѣе поздравитъ товарища, что Богъ привелъ ему дѣло такимъ звѣремъ кончитъ.

— Веселишесь, веселишесь, любезные!... Я съ моей спороны очень радъ, что вы спараетесь испреблять лѣсныхъ жипелей. Признаться сказать, ихъ многіе робѣютъ!

— Людей надобно больше бояться! — раздался громкій голосъ позади, и глубокий вздохъ сопровождалъ его.

Ученый путешественникъ оглянулся. Въ той споронѣ, откуда происходилъ

голось, поодадь опѣ полпы, спояль чело-
 вѣкъ немолдыхъ лѣпъ, значительной
 и умной физіогноміи, вооруженный съ го-
 ловы до ногъ, съ виншовкой за плечами.
 На лицѣ его не видно было позорнаго
 клейма — признака порговой казни.
 Увидѣвши, что на него обращено вни-
 маніе, незнакомецъ поворошилъ къ пе-
 релѣску и пошчасъ скрылся!

— Чшо это за спранный челоѣкъ? —
 спросилъ ученый, поглядѣвши съ уди-
 вленіемъ ему въ слѣдъ.

— Эшо одинъ изъ ссыльныхъ, боя-
 ринъ. Вошъ ужъ около двадцати лѣпъ
 онъ живешъ гдѣ-шо здѣсь въ глуши
 близъ Якушска.

— Откуда же привезенъ сюда?...
 Не слыхали ли вы объ его родинѣ?

— Эшого никшо здѣсь не знаешъ.
 Въ первый разъ сего дня мы слышали

голосъ его. Эпопъ чудакъ бѣгаетъ
опъ всѣхъ, какъ опъ чумы. Храбръ
и силенъ, какъ левъ; охопникъ пре-
удалой. Намъ случилось видапъ рабопу
его; а въ двадцапъ лѣпъ никпо не
узналъ его имени.

— Чпожъ заспавляетъ его шакъ
скрывапся? Спало быпъ онъ очень
несчастливъ?

— Нечего лгашъ, и эпаго, чеспный
господинъ, не знаемъ!...

Ученый путешественникъ задумался.

— По крайней мѣрѣ, не знаете ли,
гдѣ жилище эпаго чудака? Не можете
ли еще чпо нибудъ сказапъ мнѣ объ
немъ?

— Богъ въспъ, чпо сказапъ вамъ,
бояринъ. Юрша его гдѣ-то въ Во-
спочной споронѣ эпихъ лѣсовъ; впро-
чемъ, на вѣрное шого никпо не знаемъ.

Много еспѣ между нами ссыльныхъ бояръ и разночинцевъ; всѣ на перечесть, а съ нимъ никпо ни одного слова не говаривалъ.

— И такъ прощайте, друзья, продолжайте веселиться; радуюсь успѣхамъ вашимъ, — сказалъ ученный и удалился.

Охопники снова начали пирушку и запивали сороковаго. Между пѣмъ въ голову ученаго путешественника запала дума о ссыльномъ незнакомцѣ, и его значительная физіогномія врѣзалась въ душу глубокими черпами.

ГЛАВА VI.

ПОВѢСТЬ ИЗГНАННИКА. — ЗА- КЛЮЧЕНІЕ.

Я не злодѣй!...

О, повпори!... Давно желала
Душа сихъ звуковъ опъ людей!
Она воскресла; снова въ ней
Надежда неба запылала!...

П. ИНОЗЕМЦЕВЪ.

Сладко спать въ землѣ сырой!..

В. Жуковский.

На другой день ясное утро опять
вызвало смѣлыхъ любипелей звѣриной
ловли изъ теплыхъ юрпъ въ снѣго-
выя долины. Угрюмые лѣса, покрытые

серебриспымъ инеемъ, огласились условнымъ крикомъ и выспрѣлами охотниковъ. Дикія козы, олени и медвѣди, испуганные шумомъ опть приближенія ловчихъ, искали въ глуши и пемныхъ пещерахъ спасенія. Все взволновалось новой жизнію до захожденія солнца.

Ученый путешественникъ, также большой любитель пуспынной природы и звѣриной ловли, наскучивъ въ мирномъ домикѣ своемъ умспвенными занятіями, оспавя свой прудъ для Опечесства, замѣнивъ перо япаганомъ и длинной винповкой, вышелъ въ ближній лѣсъ на охоту.

Сѣверная природа, великолѣпная своею дикой необищаемостію и шайнспвенной красошою, своими бриліаншами, при лучахъ краснаго солнца разсыпанными по окрешностямъ, сильно увле-

кала душу пупешеспвенника, жажду-
щую познаній и изслѣдованій еспесп-
венныхъ. Онъ умѣлъ чипапь пре-
мудрую книгу Творца, умѣлъ понимапь
ее, и забывши насоящую цѣль свою,
ловъ звѣрей, весь предался созерцанію.

Не размышляя о проспранспвѣ и
глуши лѣсной, въ копорую могли его
завеспи любопытство и наблюдатель-
ность, мудрый изыскапель шелъ да-
лѣе, далѣе и наконецъ доспигъ мѣспъ,
совершенно непроходимыхъ. Ужас-
ная глушь и овраги, безпреспанно пе-
ресѣкающіе лѣсной пупъ, доказывали,
что въ эспи мѣспа едва ли проникала
нога смѣлаго охопника. Пупешеспвен-
никъ погрузился въ раздумье, и видя
пезвозможность проложипъ далѣе доро-
гу, началъ думапь о возврапномъ пу-
пш. Разсмапривая слѣды свои, онъ
уже прошель назадъ около мили; но

пусть пушеводители его пресѣклись
множесвомъ другихъ, и вѣрную доро-
гу избрать было трудно!

Пушникъ въ нерѣшимости. Вдругъ
близкій вспрылъ прервалъ думу его;
пуля просвисала неподалеку [опъ
ушей, и дикая коза, перебѣгавшая въ
кусахъ, упала, обогрѣнная кровью.

Вспревоженный пушесшвенникъ
оборошлся шуда, откуда былъ слы-
шенъ вспрылъ; и что же? ... Пе-
редъ очами его, въ мохнатой дахъ, *
съ сверкающими глазами споншъ па-
инспвенный изгнанникъ, пакъ глубоко
проникшій наканунъ въ душу пуше-
швенника.

Съ обихъ споронъ молчаніе.

— Я испугалъ васъ, — началъ нако-
нецъ незнакомый, оборошясь къ пуше-

* Даха — шуба изъ дикой козы, вверхъ шерстью

шеспвеннику; но, признаюсь, мой неоспорожный выспрьль извиняется птѣмъ, что я не думалъ увидѣнь здѣсь челоуѣка. Что завлекло васъ въ пакую глушь?

— Не иначе, какъ цѣль, одинакая съ вашею,—отвѣчалъ пушешеспвенникъ.— Впрочемъ, я въ размышленіи почпи нечаянно попалъ сюда и долженъ къ ночи возврашиться домой. Укажишъ мнѣ, гдѣ на Якушскъ дорога?

— На Якушскъ? Но до него шеперь около десяти миль. Вы зашли слишкомъ далеко, чтобъ сегодня возврашиться; здѣсь же дороги чрезвычайно збивчивы; развѣ къ полуночи и по безъ проводника сомнишельно....

— Чпожъ мнѣ шеперь дѣлать?... И такъ я вынужденнымъ нахожусь провеспи ночь въ эпой пуспынѣ?

— О, напрошивъ! Хошя ни чья ногъ

не заходила въ мою убогую хижину, но въ вашемъ положеніи я не смѣю опказашь въ приспанищѣ. Если не пропивно, по слѣдуйте за мною. Теплый уголь и кусокъ мягкаго хлѣба къ вашимъ услугамъ.

Путешественникъ споялъ въ нерѣшимости. Мрачность окрестностей и суровый видъ незнакомца казались для него слишкомъ подозрительными. Рѣшившись опадать себя на жертву бурной, холодной выюги также было пагубно. После минушнаго размышленія, наконецъ, положившись на власъ Божию, путешественникъ рѣшился слѣдовать за таинственнымъ вожакомъ.

Долго шли они извилинами сквозь чащу. Пустынная дѣбрь становилась все мрачнѣе и мрачнѣе. Дико шрещали сухіе сучья. Пушистый иней, опускаясь хлопьями, засыпалъ глаза, и кой-гдѣ

испуганный заяц перебѣгалъ дорогу. Наконецъ, въ самой глуши, на небольшой полянѣ, одинокая, укромная юрша открылась передъ глазами жожапаго и пупника.

— Вопъ убогій домъ мой!... сказалъ незнакомецъ и ввелъ пупешеспвенника въ шемную юршу.

Топчасъ, вздувши огонь, онъ освѣшилъ свое одинокое жилище, пригото-вилъ на сполѣ горшокъ копченаго мя-са, мягкій хлѣбъ, ковшъ молошнаго ви-на и посадилъ за скудный ужинъ своего госпя. Здѣсь ученый пупе-шеспвенникъ съ любопытствомъ на-чалъ осматривать внушренность хи-жины. На спѣнахъ видны были ружья, копыя, япаганы и множеспо другихъ оружій. Убогая поспель и деревян-ный поспавецъ довершали все оспаль-ное убрансво.

Видя сполько испребительныхъ ору-
дй въ уединенномъ убъжищѣ изгнан-
ника, сполько средствъ къ уничтоже-
нiю человѣческаго и не чувствуя съ
своей стороны довольно мужества къ
оборонѣ въ случаѣ насилiя, путешес-
твенникъ почувствовалъ невольный
препятствiе; но ласковый видъ хозяина,
его привѣтливые, хотя опривисные и
часто загадочные разговоры вскорѣ
разсѣяли сомнѣнiя.

— Кушайте, почтенный госпъ мой!—
говорилъ изгнанникъ, видя слишкомъ
умѣренный аппетитъ путешествен-
ника. — Я вижу, каждый предметъ въ
бѣдной хатѣ моей обращаетъ на себя
любопытство ваше. Ахъ! было время,
когда и меня занимала всякая малость;
малѣйшая радость и печаль сильно
волновали душу. Теперь, вкушивши

вполнѣ горечь жизни, я смопрю на все равнодушно.

— Спало бышь, свѣшь въ вашихъ глазахъ пакъ черень, чпо не можешь вновъ подарить радостей? Вѣрно васъ обманули люди?....

— Да, почтенный госп. Меня обманула юность, обманули надежды. Вѣрите ли вы, чпо иногда порывъ благороднѣйшаго чувства можешь довести къ пресупленію.

Тутъ незнакомецъ съ сильнымъ энтузіазмомъ началъ разсуждать о первыхъ впечатлѣніяхъ юности, о спраши къ высокому, о истинной и ложной мудрости. Необыкновенный умъ и благородныя чувства видны были въ его сужденіяхъ. Сладостна была ученому путешественнику бесѣда изгнанника. Это былъ первый изъ обитателей Сѣверныхъ степей, кому онъ

могъ отккрыть сердце и перелишь чувствованія. Души ихъ вполне понимали другъ друга.

Въ продолжительномъ разговорѣ, пріятномъ какъ для того, такъ и для другаго, путешественникъ умѣлъ приобрести полную довѣренность незнакомца; но когда коснулось до любовныя о его опечесивѣ и о счастливыхъ дняхъ юности; то незнакомецъ долго, какъ казалось, боролся съ желаніемъ призвать ихъ на память душъ своей, и наконецъ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Ахъ, почтенный другъ мой!... Пагубно дикому оленю, пронзенному стрѣлою, отдыхать въ шерновомъ куспарникѣ, гдѣ онъ можетъ расправить рану свою; такъ и мнѣ, забытому человѣчествомъ, грустно будетъ привесить на память былые дни счастья. Но вамъ я не откажусь опи-

крышь душу мою, челоѣку, испинно
просѣщенному; копорый можешь цѣ-
нишь жизнь, не боюсь я повѣдашь
свои шайны. Думаеши ли вы въ оди-
чаломъ изгнанникъ найпи челоѣка
воинспвеннаго и нѣкогда очень полез-
наго своей родинѣ? О! не удивляй-
тесь, если я вамъ скажу, что вы ви-
дите въ эшой презрѣнной юршѣ Ан-
дрея Войнаровскаго, одного изъ На-
чальниковъ Запорожскихъ. Я племян-
никъ Украинскаго Гепмана Ивана Ма-
зепы. Если вамъ любопытно узнашь
въ подробностяхъ мою унылую повѣсть,
то вопъ въ коропкихъ словахъ пере-
чень моихъ бѣдспвій и радостей:

«Очаровашельные, невинные дни мла-
денчеспва провелъ я въ дому роди-
тельскомъ. Золошая юность и первыя
силы воспламенили меня спраспью къ
войнѣ, къ оружію, и я, удалясь къ За-

порожцамъ, опчаянною храбраспыю
 умѣль снискашь себѣ между ними
 громкое имя и пріобрѣспи полную
 любовь мужеспвеннаго Полковника За-
 порожской вольницы Семена Палѣя
 Хвапшовскаго, неумолимаго бича Тапашръ
 и презрѣнныхъ Ляховъ. Не жалѣя ни
 крови, ни жизни для славы благосло-
 венной Украйны, я вскорѣ далѣ по-
 чувспвовашь невѣрнымъ всю жеспо-
 коспѣ меча и копья Запорожскаго!
 Наконецъ, послѣ похода въ степь, ког-
 да мы черезъ адскую хипроспѣ были
 Тапашами совершенно разбины, я едва
 было не сдѣлался жерпвою холодной
 могилы. Спаранія одного почпеннаго
 Запорожца возврапили мнѣ жизнь, и
 опсюда начались дни моего счаспїя.
 Еще до эпои опрадной эпохи я лю-
 билъ, но меня обманули надежды, и
 невѣста моя опдала руку другому.

Тягоспныя несчастія были ей наказаніемъ за измѣну. Мужъ моей прежней невѣсты убитъ при возмущеніи черни, а бѣдная вдова, какъ я слышалъ, въ спѣнахъ монастыря оплакиваетъ унылый оспапокъ жизни. Но въ благодѣтельномъ куренѣ наѣздника я нашелъ дочь его, наспоящаго Ангела, чистую, непорочную дѣвушку, и на вѣки сочелъ съ ней жизнь свою! Двое малюшкѣ были залогомъ любви нашей. Дядя мой, Гепманъ, узнавши о нашемъ счастьи, захопѣлъ имѣть меня при себѣ въ Башуринѣ, и мы переселились шуда. Здѣсь начинается опять время моихъ бѣдспвій. Черная душа Мазепы, его хипрые, чесполибивые, пресупные замыслы пригоповили мнѣ гибельную награду. Обольстивши меня, заспавивъ участвовашъ въ поспыдной игрѣ, унизишельной для ис-

пиннаго сына Опечесова и блиспа-
 пельной шолько для подобнаго мнѣ
 пылкаго мечпашеля (паковъ былъ я
 въ юныя лѣта), дядя мой пригото-
 вилъ мнѣ эту опрадную жизнь и ше-
 перешнія радости. Вездѣ, неоплочно
 былъ я при Гешманѣ и Сѣверномъ
 Львѣ Карлѣ XII; видѣлъ всю суеп-
 носпѣ безразсудныхъ замысловъ и всю
 великоспѣ Великаго. Видѣлъ шорже-
 спво Свяшой Россіи, слышалъ опшывъ
 его въ громахъ Полпавской бипвы;
 видѣлъ и смерпѣ моего преспунаго
 дяди. Наконецъ, оппавшисъ сиропю,
 безъ надеждъ, безъ радоспей, съ од-
 нимъ раскаяніемъ, опъ роднаго Юга
 мнѣ суждено здѣсь провеспи оппа-
 шокъ бурной жизни. Одичальпй, опчу-
 жденный опъ челоовѣчеспва, я убѣгаю
 его и никому не хочу опкрывапѣ мо-
 ихъ несчастпій. Соспрананіе людей не

излѣчило бы смерпелной раны моеѣ!...
 Двадцать лѣтъ уединенной, раскаян-
 ной жизни и здѣсь были услаждены
 моеѣ вѣрной, незабвенной подругою.
 Она пришла добровольно раздѣлишь
 со мной изгнаніе и подарила много,
 много радостей несчастному. Видѣли
 мы сквозь эту опдушину небольшой
 курганъ, занесенный снѣгомъ—эпо мо-
 гила ея!... могила моеѣ прекрасной, до-
 брой подруги!... Жду, какъ блажен-
 ства таинственнаго, призывнаго зву-
 ка, кошорый воззоветъ меня и соеди-
 нитъ съ нею!... Надѣюсь, двадцать
 лѣтъ раскаянія омыли всю гнусность
 моихъ заблужденій. Последний вздохъ
 мой, послѣдняя молитва будетъ о
 счастіи моеѣ родины, о славѣ Россіи и
 Украйны!... О! съ какимъ благоговѣні-
 емъ повергся бы я въ прахъ къ но-
 гамъ Великаго, и желалъ, или вновь

жить для опчины, или умереть, только не съ именемъ злодѣя!... Вездѣ-сущій видишь глубину души моей!...»

Тутъ слезы прервали разсказъ спрдальца. Его вдохновенный взоръ выражалъ молишву. Тронушый госпъ плакалъ, какъ ребенокъ и молился вмѣстѣ съ изгнанникомъ. Долго не могли они упишишь волненій чувствъ своихъ. Благородная душа пупешеспивенника вполне поспигла чиспопу раскаянія и возвышенносшь мыслей несчастнаго. Онъ поклялся ему въ дружбѣ, и удаляясь, обѣщаль услаждать горькіе дни его!...

—

Часто посѣщаль ученый пупешеспивенникъ юрпу Войнаровскаго, услаждая горе его. Въ одинъ день, пришедши, по обыкновенію, бесѣдовавъ

съ опчужденнымъ, онъ не нашелъ его въ пуспынной хижинѣ. Съ безпокойствомъ оглядѣвши всѣ мѣста, онъ выходилъ изъ юрпы, осматриваетъ съ любопытствомъ окрестности, и что же предсказалось глазамъ его!...

На могильномъ курганѣ своей супруги бѣдный изгнанникъ сидитъ, какъ кажется, погруженный въ молитву. Тщепно спараются распросами испоргнувъ звуки изъ груди спрадалца. Онъ холоденъ, какъ мраморъ; онъ послѣдняя дань землѣ!...

Господь услышалъ молитву раскalanного; воззвалъ его къ любимой подругѣ!...

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Бѣглець изъ спепей.	3
II. Вѣспѣ издалека. — Свадьба. . . .	16
III. Чрезъ нѣсколько лѣтъ анпр-акта.	28
IV. Послѣ Полпавской битвы. . . .	40
V. На Сѣверѣ.	55
VI. Повѣспѣ изгнанника. Заключеніе. .	66

Универс.

Рос.

1877

11

3406
40 p. 10 r.

